

поэт, кроме секретаря Петербургской Академии наук Тредиаковского, который написал несколько од и эпиграмм (Sinngedichte) в похвалу двора. Но эта поэзия была весьма несовершенна, и ее язык смешан с многими иностранными словами. Князь Кантемир отважно (herzhaft) изгонял их из своего языка³ и доказал, что он (т. е. русский язык) достаточно богат. Он нашел также последователей в других князьях и знатных людях. Он решился также впервые писать стихи без рифм — в переводе Анакреона и писем Горация, которые также имели успех; таким образом, он окажется со временем русским Орфеем и Аполлоном». Как видим, Кантемир превознесен в ущерб Тредиаковскому; Ломоносов не учитывается вовсе; зато выдвинуты князь и «знатные», т. е., конечно, кн. Н. Ю. Трубецкой, вероятно, кн. А. Л. Долгорукий, а затем — Сумароков, Херасков, Елагин и люди их круга. Готтшед ориентируется в русской литературе на определенную группу, условно и, конечно, далеко не точно объявляя ее патроном Кантемира. Едва ли здесь играли роль сословные пристрастия и предрассудки. Готтшед был писателем, покорным своему курфюрсту, хотя и не лишенным буржуазного либерализма; но он всем существом своим сближался с Сумароковым и его друзьями и отталкивался от Ломоносова и всего того, что он мог связать с ним. Борьба Сумарокова и его школы с Ломоносовым и Тредиаковским в глазах Готтшеда, конечно, была той же борьбой, которую он сам и его журналы вели, с одной стороны, против духа Возрождения (Гюнтер), с другой — против новшеств «швейцарцев» и Клопштока. Может быть, наиболее ненавистен ему был поэтому на Западе Мильтон, поэт Возрождения и в то же время знамя и кумир круга Клопштока. Так или иначе, Готтшед разбирался вполне хорошо во внутренних соотношениях русской литературы и видел в ней силы, для него значительные, к которым он и обращался в поисках союзников.

В 1753 году «Новости» поместили две статьи о книгах, появившихся в России. Первая из них — это отчет о втором томе «Новых комментариев Петербургской Академии наук» («*Novi commentarii Academiae Imperialis Petropolitanae Scientiarum*»); том помечен 1751 годом, но, видимо, вышел только в конце 1752-го. Рецензия, помещенная в февральском номере (стр. 120—128), начинается так: «Это новый том сочинений

³ Отмечу, что и Готтшед усердно изгоняет варваризмы из своего языка. Даже месяцы на титульных листах своего журнала он называет на «старонемецкий» лад: Wintermond, Hornung, Lenzmond, Ostermond и т. д. вместо: январь, февраль, март, апрель.